

Эта книга посвящается Ливиу

*Хочу также от всего сердца
поблагодарить госпожу Анник Симон
и Доринду Отеро*

Предисловие

Писать книгу о технике детского психоанализа — занятие непростое. В самом деле, разве мы можем уклониться от постоянных мыслей о значении того, что мы делаем, и, соответственно, от корректировки нашей психоаналитической работы в зависимости от этого значения? Мне кажется, что не можем. Именно поэтому метод выступает руководством, «страховкой», которая позволяет нам коснуться безумия инфантильного всемогущества, но не погрузиться в него, но лишь при том условии, что мы знаем, как выяснить, служит ли наша техника пониманию пациента и ходу терапии или же мешает этому.

Я считаю, что всем нам, психоаналитикам, в психоаналитической работе с нашими пациентами, как с детьми, так и со взрослыми, нужна определенная рамка, метод, наконец, техника, которые позволяют взяться за эту работу. И, конечно, в мои намерения не входит предложить монолитную технику, которая бы несла в себе отзвуки диктата со стороны Сверх-Я. Это могло бы лишь помешать работе психоаналитика, задача которого свободно мыслить и связывать работу своей собственной психики с психикой пациента.

Писать работу о технике в психоанализе — это вызов, который редко кто принимал. Совокупность размышлений, предлагаемых мной в этой книге, не обладает никаким окончательным значением и остается, скорее, приглашением поработать с ними. Только так и не иначе движется вперед наука. Именно постоянная проверка ее оснований порождает открытия. И учителя, которые были у нас, действовали точно так же.

Я отдаю здесь дань уважения тем, кого я знала, с кем работала и у кого научилась столь многому. Прежде это Эстер Бик, которой я обязана знакомством с открытым ею миром психической двухмерности, который, по моему мнению, позволит нам понять множество явлений, до сих пор остававшихся необъясненными. Это открытие способно повлечь перестройку всего предшествующего корпуса психоаналитической теории.

Моя благодарность Д. Мельцер и М. Харрис, которые в равной мере смогли углубить исследования М. Кляйн, посвященные проективной идентификации. Наконец, И. Бреннан, С. Исаак Эдмхерст,

Дж. Гэмилл и И. Виттенберг — все они щедро делились со мной своим опытом.

В этой книге я нередко цитирую тех, с кем была знакома только через их тексты, — З. Фрейда, М. Кляйн, У. Р. Биона — дабы подчеркнуть основания техники, заложенные ими. Однако их пример заставляет нас подумать о том, что всякая техника способна развиваться в зависимости от производимых ею эффектов. Если это свойство всех видов техники, то тем с большей уверенностью это можно сказать о технике психоаналитической, поскольку ее предмет не подлежит какой бы то ни было стандартизации, ведь речь идет о том наиболее интимном отношении, которое может быть у человека только с самим собой.

Разве могут существовать неизменные правила проникновения в мире человека или ребенка? Об этом говорил Гамлет, обращаясь к Гильденстерну: «По-вашему, на мне легче играть, чем на дудке? Назовите меня каким угодно инструментом, — вы хоть и можете меня терзать, но играть на мне не можете»¹.

Техника служит не манипуляции пациентом, а, напротив, выстраиванию рамки, которая позволит его мысли свободно развиваться. Речь о технике, вскормленной наукой и искусством, поскольку она должна приспосабливаться к личности и патологии каждого. Здесь мы сталкиваемся с парадоксом, поскольку, с одной стороны, нам необходимы ограничения, заданный техникой, а с другой — нам нужна полная свобода, поскольку именно ее требует всякое творческое начинание. Если вспомнить слова Фрейда из его работ по технике, то мы имеем дело с предметом, который сводит на нет всякие описания: «Тот, кто рассчитывает по книгам научиться благородной игре в шахматы, немедленно обнаружит, что только начальные и завершающие маневры можно схематически описать, в то время как ее огромная сложность сразу после начала партии не поддается никакому описанию»².

Однако техника нужна психоаналитикам на протяжении всего психоаналитического лечения. Мы могли бы сравнить ее со средствами, позволяющими нам получать все более совершенные инструменты, благодаря которым, в свою очередь, углубляется клиническая практика, что, соответственно, ведет к перестройке теории.

1 Перевод М. Лозинского.

2 Freud S. (1913) De la technique psychoanalytique. A. Berman (trad.). Paris: PUF, 1970.

В психоанализе теория питает клинику, которая через используемую технику позволяет практикам развивать теорию. Мы надеемся, что это развитие будет продолжаться по мере умножения встреч пациентов, как детей, так и взрослых, с их психоаналитиками. Ведь именно пациенты указывают нам, в какой мере обоснована техника, используемая нами при работе. Знаете, детей невозможно провести, они не позволят рассказывать себе сказки, ибо, им хорошо известно, что они страдают, и как именно встреча с аналитиком облегчает это страдание.

Любая техника является результатом опыта, о чем как раз и свидетельствует эта книга и, все же, речь идет только о «фотоснимке» актуального состояния позиций моего опыта, который я надеюсь углубить благодаря продолжению собственной практики.

Постоянные переходы от технических правил к клиническим примерам, которые иллюстрируют их и пытаются доказать их обоснованность, позволяют, как я надеюсь, представить эту книгу в качестве основы для размышлений всех психоаналитиков и тех психологов и врачей, которые стремятся облегчить страдание ребенка посредством психоаналитической техники. В действительности, не существует метода без техники. Но до сего момента мы редко говорили о технике детского психоанализа, да и психоанализа взрослых тоже, даже если нам так не казалось.

Со времен Фрейда психоаналитическая теория стала предметом множества публикаций; то же, хотя и в меньшей степени, относится и к клинике. Однако техника анализировалась редко. Быть может, мы боимся поставить под вопрос тот путь, который мы выбрали, чтобы достичь того или иного результата? Все происходит так, словно бы в технических обсуждениях осмыслились не столько правила, сколько наше собственное функционирование, которое дает о себе знать в том, как мы обращаемся с этими правилами. Почему в такой-то момент лечения ребенка мы сочли нужным проинтерпретировать перенос, нарциссизм и т.д. маленького пациента? Почему мы медлили с приемом родителей? Почему терпели ту или иную ситуацию, в которую поставил нас ребенок, не имея возможности отреагировать на нее? Почему позволили ему манипулировать рамкой лечения (как внешней, так и внутренней)? Перед психоаналитиком также встает множество других вопросов, какой бы у него ни был опыт — большой или маленький.

Эта книга предназначена всем психоаналитикам детей или взрослых. Разве психоаналитику, занимающемуся взрослыми, которому нужно уметь увидеть во взрослом ребенка, не будет полезно внимательнее ознакомиться с тем, что позволяет общаться с ребенком? Что касается психоаналитиков детей, они найдут в этой книге поводы для размышлений и критики (в хорошем смысле этого слова) как их собственной практики, так и той, что описывается в этой книге.

Однако первыми читателями этой книги являются психоаналитики, которые только начинают практику с детьми. И прежде всего я обращаюсь именно к ним, основываясь на своем опыте — не только как детский психоаналитик, но и как супервайзер детских психоаналитиков. Поскольку я руководила семинаром по технике в школе подготовки детских терапевтов (AFPPPEA), мне пришла в голову мысль представить в письменном виде всю ту информацию, которая была востребована слушателями. Так что польза от этих размышлений о технике определяется не только моей клинической деятельностью, но также и деятельностью моих учеников: многие из них рассказывали мне о том, какие преимущества они обнаружили, когда стали придерживаться предложенных рекомендаций касательно рамки лечения, выстраивания отношений с родителями, методов вмешательства или интерпретации и т.д.

Трудно найти такие базовые сведения, которые сами по себе не охватывали бы всего образования детского психоаналитика (ведь для этого требуется длительный личный психоанализ и обучение в специальных институтах), но позволяли бы молодым психоаналитикам не запутаться в тех дебрях, в которые заводит отсутствие технических правил.

Это не значит, что практика психоанализа ребенка может на начальных этапах обойтись без контроля со стороны супервайзера. Если начинающий психоаналитик в целом доверяет советам своего супервайзера, он может считать эту книгу базовым ориентиром, приглашающим к дискуссии как с ним, так и с коллегами. Не может быть никаких абсолютных правил в том, что относится к аналитической практике, и я попыталась прояснить в этой книге причины принятия того или иного правила, относящегося, например, к выстраиванию рамки. Поэтому мне показалось весьма полезным предложить одну рамку, используемую на протяжении всей книги, хотя каждый и может ее перестраивать в соответствии со своими соображениями и школой, в которой он обучался. Важно, чтобы та-

кая перестройка, если она понадобится, обосновывалась бы аргументами, которые сочетаются с теми аргументами, которые послушали моим собственным тезисам или противопоставлялись бы им. Разве не так же обстоит дело с техническими правилами, используемыми в психоанализе ребенка? Это замечательно, если психоаналитик понимает, что анализ не самоцель, что он нужен только для развития мысли ребенка.

В силу рассматриваемого в этой книге предмета читать ее главы последовательно не обязательно. Можно обращаться то к одной главе, то к другой, в зависимости от того, какая проблема интересует читателя — проблема рамки, первых встреч, отношений с родителями, интерпретации и т.д.

Хотя эта книга не имеет формы словаря, она позволяет напрямую обратиться к нужной теме.

Я надеюсь, что этот первый подход к щекотливой теме техники — щекотливой в той мере, в какой мы начинаем разбирать все подробности наших вмешательств, — будет впоследствии подхвачен другими, дополнен и углублен. Я надеюсь, что он будет критиковаться в целях его совершенствования, поскольку в том, что касается проблемы техники, ничто не мешает поменять одну технику на другую. Главное — прийти к той, которая допускает наиболее благоприятное развитие психоанализа, то есть дает возможность трансформировать бессознательные несимволизируемые психические элементы в элементы сознательные, символизируемые и символизированные.

В заключение я хочу поблагодарить всех моих маленьких пациентов, всех моих учеников и коллег, без которых было бы невозможно проверить технические размышления, представленные в этой книге.

Часть первая. История и специфика детского психоанализа

А. Вопрос о технике

Я хотела бы начать эту книгу с размышлений о природе техники в ее отношениях с психикой, потому что ее название включает в себя одновременно термины «техника» и «психоанализ». Эта книга, таким образом, посвящена психике во всей полноте ее функционирования.

Принято говорить о науке и технике, о достижениях человеческой мысли, разделяя два этих понятия и одновременно полагая, что техника происходит от науки. С этой точки зрения, знание предшествует его применению. Не обращаясь к вопросу об истоке, который, как показывает пример курицы и яйца, найти невозможно, мы можем утверждать, что именно потому, что у человека есть руки, он может заниматься резьбой по камню. Но, с другой стороны, именно потому, что он распрямился, он смог отвести руки от лица и освободить зрение. Вместе с бинокулярным зрением появляется дистанцированное знание, позволяющее человеку задумываться о трансформации материи, которую он обрабатывает своими руками. Условия жизни, позволяющие также спуститься с деревьев, тем не менее, не объясняют адаптацию к постоянному прямохождению.

Двигатель эволюции, который заставил перейти из животного состояния, в котором инстинкт подчиняет себе мышление, к состоянию, в котором, наоборот, мышление управляет инстинктом, находится не только во внешнем мире. Этот двигатель сформировался в результате встречи между внешней реальностью и внутренней динамикой: предок человека стал полагаться на инструментальные технологии в тот самый момент, когда стал хоронить умерших и строить мир представлений, через который внешняя жизнь «отражается» во внутренней. Внутреннее и внешнее начали резонировать друг в друге не только в силу телесной адаптации, необходимой для выживания во внешнем мире, но также в силу все большего различия того, что располагается внутри, и того, что располагает-

ся снаружи. Трудно сказать, есть ли такое различие у животного. Если внутренний мир человека — пещеру, прекрасный пример которой, явленный во внешнем мире, дают нам доисторические гроты — можно исследовать, то что же можно сказать о внутреннем мире животного? Стены гротов, возможно, рассказывают нам о магических обрядах, при помощи которых человек желал повлиять на мир, или же хранят изображения внешнего мира, — так или иначе надписи в них уже свидетельствуют о глубокой связи, существующей между появлением техники и возникновением репрезентации.

Необходимо согласиться с некоторой пространственно-временной дистанцией между замыслом, идеей и ее осуществлением, чтобы можно было помыслить технику, позволяющую связать их вместе. Если мы задумаемся о технике охоты у животных, можно предположить, что должна существовать пространственно-временная дистанция между ощущением голода и восприятием добычи, чтобы возникла техника, позволяющая эту добычу поймать. Но животное рождается с этой техникой или же со встроенной в него программой, позволяющей пускать такую технику в дело. Однако существуют виды, обучающие своих детенышей технике полета и охоты. Можно ли в этом случае говорить о передаче техники? Кажется, что здесь налицо элементы, позволяющие определить, чем является обучение технике у человека: применением ряда средств для достижения цели.

Вернемся по этому случаю к термину «техне» (*τέχνη*). Этот термин у греков указывает на умение что-либо сделать; речь идет о ловкости рук — искусстве обработки металла, строительства корабля. «Техне» — это профессия, ремесло. Чтобы лучше описать значение «техне», давайте разберемся, что ей противопоставляется: «аутофюэс» (*αὐτοφυής*). Когда речь о производстве, «аутофюэс» означает, что это производство происходит именно из той страны, о которой речь. Следовательно, этот термин отсылает к тому, что растет или образуется само собой, как шерсть на животном, в ходе естественного процесса в противоположность тому, что было сделано руками человека или посредством труда, производящего некоторый «искусственный» результат. Так, внешний вид человека, самородное золото, дикие растения — все это относится к «аутофюэсу». В словаре Байи приводится пример «холма, не изрезанного шахтами»; ауто-фютос (*αὐτο-φυτός*) отсылает к производству, кото-

рое происходит само по себе в отличие от производства путем обмена или торговли.

Этих противопоставлений достаточно, чтобы мы могли уточнить значение «техне». «Аутофюэс» — это естественное порождение, которое не нуждается в техне. Тут же вспоминаются естественные формы, которые принимают куски дерева, формы, случайно произведенные природой, которым мы затем приписываем ценность произведения искусства. Винникотт³ любит приводить эти примеры (отсюда его собственная техника *squiggle*, каракулей), чтобы подчеркнуть зависть, которую может вызвать художественный гений, которому, с этой точки зрения, не требовалось трудиться, чтобы создать произведение, превосходящее то, на создание которого было затрачено много усилий, но которое все равно уступает первому в качестве.

Размышления о технике, на мой взгляд, должны затронуть разрыв, существующий между замыслом и его реализацией: между двумя этими моментами происходит осознание внешней реальности и средств, которые нужно применить, чтобы добиться того, к чему стремится наш дух.

Дети с нарциссическими нарушениями часто испытывают трудности с рисованием, поскольку, что бы они ни нарисовали, нарисованное тут же осуждается требовательным идеалом Я, потому что никогда не соответствует тому образу себя, который они создали. Они считают себя гениями, но, когда садятся рисовать, видят, что перед ними всего лишь гениальные черновики.

Любой черновик подразумевает постоянно повторяющуюся работу, которая включена в обучение технике. Во время такого обучения приходится вступать в отношения с другими людьми, вот почему «техне» противопоставляется «аутофюэсу» самопроизводства. Мы готовы к тому, что «техне» включает в себя идентификацию с человеком, который учит своей технике. «Аутофюэс» же, наоборот, — самопорождение, связанное с фантазией о полной независимости от кого бы то ни было.

Чтобы достичь «доблести» — *arete* (*αρετή*) у греков — придется, что называется, «попотеть». Талантов недостаточно, необходимо еще уметь их «применить», сделав «усилие», *ponos* (*πόνος*). Ксе-

3 Winnicott D.W. Objets transitionnels et phénomènes transitionnels // De la pédiatrie à la psychanalyse. J. Kalmanovitch (trad.). Paris: Payot, 1969.

нофон⁴ противопоставляет заученную технику сократической майевтике, и здесь мы находим описанное выше противопоставление того, что зарождается само собой, тому, что достигается при помощи мастерства. Применительно к сельскому хозяйству говорится, что в нем нет «техне». Достаточно быть внимательными и приложить усилия, потому что земля «не поддается на уговоры, но со всей простотой, не скрываясь и не обманывая, показывает, на что способна». Она отдает нам свои секреты. Искусство, даже хитрость, которые в «Прометее прикованном» Эсхил⁵ мог связывать с «техне», в этом случае ничего не значат. В сельскохозяйственном успехе участвуют «божественные» силы, тогда как ремесленнику приходится рассчитывать только на технический или инструментальный аспект своего труда.

Мы видим, как в этом противопоставлении вырисовывается разделительная линия между тем, что имеет «божественное» происхождение, и тем, что исходит от инструмента, несущего уничижительные коннотации в сравнении с «божественным». Анализ этого вопроса привел нас к заключению, что это противопоставление — всего лишь видимость. Независимо от того, предстает ли перед нами нечто в виде «божественного» откровения — в том смысле, в котором природа раскрывается перед нами в сельском хозяйстве — или же в виде инструментальной конструкции, у нас все еще нет понятия об отношении творчества. Ни в том, ни в другом случае мы не видим встречи человека и объекта применения его техники, из которой могло бы родиться производство, сопоставимое с появлением новой жизни. Напротив, в случае божественной силы производство предшествует труду человека, а в случае инструментализации человеческого действия производство, пусть оно и следует за этим действием, все равно остается лишенным божественного вдохновения.

Миф о Прометее, занимающий центр размышлений о технике, позволяет нам углубить это понятие. В «Прометее прикованном» Эсхил показывает ужасную месть Зевса тому, кто его обманул. Но кто такой Зевс и что в данном случае представляет титан Прометей? Зевс — тот, кто существует за пределами всякой конечности.

4 Цит. по: Vernant J.P. *Mythe et pensée chez les Grecs*. Paris: Ed. La Découverte, 1990. P. 280. Note 27.

5 Эсхил. Прометей прикованный // Трагедии. М.: Художественная литература, 1971.

Он бессмертен, и ему глубоко безразличны судьбы людей, тогда как титан Прометей, который смертен, хочет помочь людям сжиться с их конечностью. Помочь людям пережить факт своей конечности — значит помочь им принять ее. У бессмертных дела обстоят так, словно бы границы, которые кладет время и пространство и к существованию которых помогает приспособиться техника, находятся вне их поля зрения. С учетом этих замечаний позволю себе предположить, что Зевс в сопоставлении с Прометеем — это представитель *нарциссического Я*, столкнувшегося с *Я-реальностью*, существование которого его травмирует.

Зевс — божество, вышедшее из эволюционной линии, которая посредством первородной кастрации позволила отделиться от Урана, бога, который не мог отстраниться от своей жены Гайи, а затем посредством второй кастрации, оральной, — отделиться и от Хроноса, бога, пожиравшего своих детей. Каким образом Зевс, априори являющийся носителем отцовской силы, который устанавливает дистанцию между мирами, в то же самое время может быть представителем нарциссического всемогущества, чья нетерпимость проявляется в том, что человеку он готовит долю совершенно бесполезного существа? Это изнанка проблем, поставленных «Прометеем прикованным».

По легенде, Прометей хотел обмануть Зевса, представив ему на пиру явства, чей внешний вид маскировал их внутреннюю сущность. Зевс хотел наказать Прометея за само это намерение, потому что тот не обманулся видимостью и в этом испытании проявил себя как тот, кому известна скрытая сторона вещей и от чьего всезнания не может укрыться материя в ее прозрачности, равно как не может укрыться время и его вечность. Прометей особым образом разделал животное: те его части, которые были предназначены для того, чтобы накормить людей, он обернул отталкивающего вида кишками, неприятными на вкус, тогда как несъедобные части, кости, обмазал вкусным салом. Человек должен питаться мясом, кости ему ни к чему. В результате Зевс принял роль того, кому не нужно есть, оставив эту низкую потребность слабым людям. Потребность связана с техникой, позволяющей ее удовлетворить. Зевс ведет себя как лишенное тела *нарциссическое Я*, которое питается виртуальностью. Он мудро выбирает дым, поднимающийся от сжигаемого жира и костей, превращающихся в пепел. Это трапеза для богов, а не для людей. Почему же тогда Зевс захотел отомстить за обман, ко-

торый не удался? На мой взгляд, речь идет о рассказе, у которого совершенно иной скрытый смысл. Будучи воплощением безграничного времени и пространства, подобно *нарциссическому Я*, находящемуся в центре психики любого человека, Зевс даже не помышляет о том, что на него может покушаться какое-то смертное существо, но точно так же он не представляет себе, что какой-то смертный может отвернуться от него и предпочесть жизнь в пространстве и времени. *Нарциссическое Я* не переносит не только соперничества, но даже равноправия с *Я-реальностью*. В действительности, именно наша потребность приспособливаться к миру, к его пределам и нашему состоянию смертности подталкивает нас отвернуться, хотя бы на время, от идеального мира, в центре которого восседает идеал Я.

Но поскольку Я мучает голод, перед ним открываются два пути: или оно устраняет это ощущение, растворяет его в состоянии несуществования или отсутствия телесности; или оно принимает это свое ощущение и приспособливается к объектам, которые позволяют его облегчить. Или же оно замыкается в состоянии нереальности, состоянии *нарциссического Я*, либо устанавливает отношения с объектами и развивает свое *Я-реальность*.

Если Зевс хочет отомстить, это означает, что он задет. Смертный — а Прометей и есть смертный и встает на защиту смертных — таким образом, ущемляет всемогущество бога. Я выдвигаю следующую гипотезу: в ходе разбирательства, происходящего между богами и титанами, точно так же, как при восстановлении равновесия во время перестройки психики, занятие позиции одной из сторон потрясает другую. Хронос и его братья-титаны свергли Урана, своего отца, Зевс свергает Хроноса, своего отца, а Прометей, сын титана Япета, ему в этом помогает. Только впоследствии, когда эта борьба закончилась, Прометей обращается против Зевса ради утверждения прав простых смертных, на которых Зевсу наплевать. Таким образом, эта борьба, начатая Прометеем в интересах простых смертных, чтобы не просто сделать жизнь возможной, пусть и в ограниченной форме, но наделить ценностью саму конечность, ранит чувства того, кто признает ценность только за тем, что бессмертно и беспредельно. В мифе о Прометее эта божественная аристократия, не притронувшаяся к земным яствам, оказывается глубоко оскорбленной. Когда титан отворачивается от богов, чтобы прийти на помощь смертным, Зевс получает сигнал о том, что он — не всё и обла-

дает не всем: его коснулось ощущение нехватки, которая побудила Прометея смягчить страдания смертных. Если бы положение Зевса оставалось завидным при любых условиях, Прометей бросил бы смертных влечь свое жалкое существование, последовав примеру Зевса. Они были бы просто пылью. Именно решение Прометея как *Я-реальности* обратиться к объекту и пределам, которыми он ограничивает всемогущество *нарциссического Я*, вызывает гнев Зевса и травму *нарциссического Я*.

Если обратиться к отдельным составляющим этого мифа, мы увидим, что они подтверждают эту гипотезу.

Зевс зол на Прометея потому, что тот хотел обмануть его, скрыв от него удел своего пространства, тогда как он требует прозрачности всякой вещи, ее пронцаемости для его всезнания и всемогущества. Ценность, приписываемая тому, что в трехмерном пространстве обладает способностью укрываться от взгляда, ранит *нарциссическое Я*, которое чувствует себя одновременно обманутым и обокраденным. Гарантия того, что только оно одно будет желанным, была нарушена. С другой стороны, тот, кто обладает всей мощью, уверен, что он был обокраден тем, кто обладает лишь совершенно ничтожной ее частью. Если, согласно мифу, Прометей изображается вором, он вор лишь с точки зрения того, кто считает, что у него есть все и что он царствует безраздельно. Такова точка зрения того, кто считает, что судьба людей в его руках. Точно так же *нарциссическое Я* не признает существования независимого от него объекта и считает, упорствуя в своей иллюзии, что в его силах аннулировать существование последнего. Того, кто попирает это всемогущество, называют вором. Того, кто ускользает от этого всезнания, называют обманщиком.

Таковы условия, в которых миф представляет Прометея тем, кто обманул Зевса, создав скрытое пространство (используемое в ритуале жертвоприношения), и обокрал его, завладев огнем, чтобы отдать его людям. Открытие огня, с которого начинается история человечества и его техники, понимается, таким образом, как утрата состояния, в котором нет ни нужды, ни техники, которая нацелена на ее удовлетворение. Миф о земном рае сопрягается с мифом о Прометее, поскольку на последнего возлагается ответственность за изгнание из рая. Чтобы отомстить за похищение огня, Зевс дарит Прометею первую женщину, Пандору. Эпиметей, двойник Прометея, который в той же мере лишен смелости, в какой Прометей

наделен умом, женится на Пандоре. Она хранит в своем ларце все земные беды и откроет его, оставив на дне лишь надежду. Открытие женщины с ее сексуальностью и, следовательно, открытие матери, которая не посвящает себя целиком удовлетворению желаний «Его величества младенца», приводит к угнетению, которым наказывается и женщина, и тот, кто смиряется со своей от нее зависимостью. Идеал Я, то есть *нарциссическое Я*, ставит к позорному столбу того, кто дерзнул поверить во взаимосвязь людей больше, чем в божественное всемогущество, в интериоризацию благоденствий объекта — больше, чем в опору на имеющиеся от рождения ресурсы, которые ничем не обязаны тому, что складывается при образовании связей. Итак, Прометей прикован к скале в пустыне, его печень пожирает орел, — и все для того, чтобы помешать ему снова бросить тень на сияние нарциссического светила.

Я не буду углубляться здесь в подробности легенды о Прометее, потому что привожу здесь этот пример лишь для того, чтобы показать, в какой мере проблема техники затрагивает саму суть связи в *Я-реальности* между Я и его объектом и как утверждение этой связи с самого начала сталкивается с существованием нарциссического фона.

Последнее слово остается не за Зевсом. Способности Прометее к предвидению, как и способности *Я-реальности* приспособляться к реальности времени и его конечности, позволяют ему предвидеть будущее — не посредством магических средств, а за счет опыта связи со своими объектами, и это предвидение готовит нас к проблемам, которые поставит перед нами будущее. Эти качества указывают на превосходство титана над Богом, *Я-реальности* — над *нарциссическим Я*. Зевс желает, чтобы Прометей открыл ему, с кем именно он не должен связывать себя узами, поскольку этот союз породит того, кто его свергнет. Прометей прекрасно знает, кто свергнет Зевса, но не выдаст ему имени.

Царство техники, царство научного, промышленного мира уходит корнями в принятие собственных потребностей и их удовлетворение за счет эмоциональной связи с объектом. Так, маленький ребенок узнает, что он должен сделать, чтобы мать проявила свою любовь к нему. Он учится приспособляться к природе внутреннего мира матери. Учится предугадывать то, с чем она смирится, а что не станет терпеть. В общем, он учится приспособлять свое поведение к тому, что она готова в нем принимать. Подобно малень-

кому Прометею, он должен противостоять безмерной силе своего первичного нарциссизма, который, как и Зевс, продолжает жить вне времени и пространства. Вне каких бы то ни было ограничений.

Нам известно, что дети — маленькие «ученые», исследующие мир; кроме этого, они еще и маленькие техники: они ищут, научаются познавать и распознавать свой материнский объект. В зоне, которая не обслуживает их *нарциссическое Я*, они приспособляются к реальности этого объекта. Например, техника держания соски, которой они учатся, зависит от того, как ее держит мать. Техника, использующаяся для того, чтобы привлечь взгляд матери, подстраивается под то в ее психике, что может затронуть подобное поведение. Но ребенок также может усвоить определенную технику, чтобы удовлетворить свое желание, убеждая при этом мать в том, что он удовлетворяет ее желание. Он, например, может улыбнуться, чтобы вызвать у нее улыбку. Число техник у детей бесконечно, но их общая черта в том, что они всегда — когда задействована *Я-реальность* — завязаны на эмоциональное отношение с объектом потребности и объектом желания. Когда это не так, как мы увидим далее, речь идет о деградации самой техники.

Это различие провели греки. Однако, судя по мифу о Прометее, все происходит так, словно бы те, кто смогли концептуализировать проблему возникновения техник, в определенном смысле отождествляли себя с Зевсом. Такова, судя по всему, была точка зрения софистов на этот вопрос. Эта точка зрения, в целом, если следовать Жану-Пьеру Вернану⁶, приводила к блокированию технической мысли у греков. Техника, в противоположность науке, сводится к простой совокупности рецептов, оторванных от познания объекта во всей его глубине. Задается механицистская перспектива: орудие всего лишь продлевает орган. Органон, инструмент не обладает свой собственной внутренней структурой: он действует лишь потому, что передает и усиливает силу, которую придает ему орган. С этой точки зрения, орудие можно рассматривать в качестве объекта, используемого Я, о чем бы ни заходила речь — о матери или материнской груди, воспринимаемой ребенком в качестве вещи, которая является его собственным продолжением. Восприятие, в котором орудие выступает всего лишь продолжением органа, способно войти в резонанс с этим первым опытом ребенка: мать не

6 Vernant J.P. Mythe et pensée chez les Grecs. Paris: Ed. La Découverte, 1990.

воспринимается как нечто отдельное от него. Природа его *нарциссического Я* такова, что мать рассматривается в качестве всего лишь эпифеномена, который он заставляет являться и исчезать, когда пожелает, тогда как в *Я-реальности* он начинает понимать то, что это не так: он должен приспособиться к ее реальности, к пространству-времени, которые ее определяют. Я помню одного маленького пациента, на обучение которого давил груз *нарциссического Я*, не дававшего ему понять то, что его объект не является продолжением его самого. Этот мальчик, младший сын в семье, командовал ею и устраивал сцены, когда замечал, что мир не крутится вокруг него. Эта нарциссическая иллюзия проявлялась в его рисунках: хотя он был маленьким скрипачом, он не мог нарисовать себя вместе со своей скрипкой. На рисунке скрипка смешивалась с изображением его руки. Уроки скрипки принесли свои плоды только тогда, когда он начал отличать свою руку от скрипки. Только тогда мальчик смог смириться с необходимостью учиться определенной технике. Пока у него сохранялась эта первичная неспособность подчиниться судьбе всех «смертных», которые должны учиться, прежде чем что-то уметь делать, он считал себя гением. Испытание реальностью переживалось им как атака на этот его идеализированный образ. Словно какой-то всемогущий Зевс, он чувствовал, что у него украли его священный огонь, обрекли его на удел обычного смертного, что он больше — не царь своей семьи. Поэтому он чувствовал себя вправе отомстить тому (кто бы это ни был), кто навязывал ему существование мира, который не раскрывался перед ним во всей своей прозрачности. Любая зависимость переживалась им как деградация, он не мог смириться с самой первой из всех зависимостей — с зависимостью от пространства-времени, о которой свидетельствует существование другого. Именно поэтому он брал слово тогда, когда пожелает; все должны были замолчать, чтобы его выслушать, иначе он прерывал их громкими выкриками.

Я упоминаю различные направления в осмыслении «техне» у греков лишь для того, чтобы показать, как они помогают нам понять психоаналитическое разделение Я на *нарциссическое Я*, идеальное и «божественное», и *Я-реальность*. Земледелец прилагает усилия лишь для того, чтобы открыть форму, которая удерживается в тайне внутри материи, но ему не нужно самому ее создавать. Этот «эйдос» (*είδος*) «рождается сам собой», он не был плодом встречи, в отличие от любого подлинного творения. В противоположность этой

явленной форме, которую я буду сравнивать с готовой формой, о которой я уже упоминала, когда речь шла о находках Винникотта⁷, его *squiggles*, рисунках, появляющихся на поперечном срезе дерева и т.д., — существует форма, созданная искусством. Она не только плод усилия, но и результат техники, благодаря которой открывается не то, что существовало до всякого усилия, а то, что рождается вследствие творческого труда. Произведение, приходящее таким образом в мир, является результатом встречи, точно так же как ребенок является плодом встречи двух существ, двух «смертных», которые устанавливают друг с другом связь в своем различии. Отношение зависимости, которое определяло обучение определенной технике, обнаруживается в отношении, завязавшемся между двумя различными существами — ребенком и его матерью, ребенком и его учителем, мужчиной и женщиной.

Переходя от техники земледельца к технике ремесленника, греки порвали с легендарным прошлым, о чем, собственно, и свидетельствует миф о Прометее: нужно порвать с божественным всемогуществом, чтобы вступить в царство техники.

Однако внутри самой техники, то есть создания и использования инструментов, обещающих удовлетворить наши потребности, мы снова обнаруживаем дихотомию, подобную той, что отделяет легендарное прошлое от прозаической жизни ремесленника. Техники можно поставить на службу удовлетворения потребностей, так что они будут совмещаться с существованием предела, поскольку потребности, как и тело, обладают пределами. Но также их можно поставить на службу тому, что не имеет предела, то есть самому желанию, которое отделяется от потребности. Аристотель⁸ называет это движение отклонения «хрематистическим»: объект больше не создается для удовлетворения потребности. Такое отклонение происходит в процессе, который идет от создания этого объекта к его использованию. Ботинок придумывается, а затем и изготавливается, чтобы удовлетворить потребность в обуви. Однако можно извратить эту необходимость, так что изготовление обуви, как и удовлетворение потребности, может служить предлогом для получения финансовой прибыли. В результате целью становятся деньги, подменяющие собой первоначальный объект. Мы можем отметить, что

7 Op. cit.

8 Цитируется по: Vernant J.P. Mythe et pensée chez les Grecs. Paris: Ed. La Découverte, 1990. P. 292. Note 81.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.